Р. С. Ф. С. Р. *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (б-ков)
Комиссия по истории Октябрьской революции и Р. К. П. (большевиков)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исторический журнал Истпарта

№ 3

1921 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1922

Третий съезд Р. С.-Д. Р. П.

(1905 года).

В тихой, почти безлюдной уличке северной части Лондона на Мидльтон-сквер, в маленькой душной мансарде, занимаемой эмигрантом Алексеевым [1]), была назначена явочная квартира для приезжающих из России делегатов. Небольшими пачками направлялись они тайно через границу. И курьезное дело: едут из одного и того же города два делегата; оба выбраны на съезд; оба должны попасть как-будто в одно и то же место; но, перейдя границу, один направляется согласно оффициальной явке, данной Ц.К., в Лондон, а другой по пути сворачивает на Женеву. Туда назначен им маршрут тайным меньшевистским центром, который вел усиленную подготовительную работу, параллельную Ц. К.,—работу, имевшую целью во что бы то ни стало сорвать съезд.

В ноябре на трех конференциях: 1) Южной (Одесской, Николаевской, Екатеринославской организаций), 2) Кавказской (Бакинской, Тифлисской, Батумской, Имеретинско-Мингрельской) и 3) Северной (Петербургской, Московской, Нижегородской, Северной, Тверской и Рижской) были приняты основные принципы, выставленные в декларации 22 большевиков, и выбрано бюро комитетов большинства. В числе 22 товарищей, подписавших декларацию, фигурировали Ленин, Крупская, А. А. Богданов, Луначарский, Ольминский, Лепешинский, Лядов, Десницкий, Зверь (Эссен, Мария Моисеевна), Воровский, Землячка, Бонч-Бруевич, Величкина, Гусев, Красиков и еще 7 человек, фамилий которых не помню. В Бюро комитетов большинства вошли: Зверь, Богданов, Лядов, Румянцев П. П [2])., Землячка, которые должны были работать в России. В заграничный центр,—в редакцию «Вперед», орган Б. К. Б.,— входили: Ленин, Луначарский, Ольминский и Воровский.

[1]) В настоящее время член Р. К. П. Работал в Сибири. Литературный псевдоним „Угрюмый“. *Ред.*

[2]) После 1917 г. покинул партию. *Ред.*

9 декабря 1904 г. Петербургский комитет потребовал от Ц. К. категорического ответа, берется ли он созвать съезд. Ц. К., в который тогда входили Красин, Носков, Любимов, Постоловский, Кржижановский, Иннокентий (Дубровинский) и Карпов, и который занимал в то время определенно примиренческую позицию, взял месяц срока для ответа. Через месяц ответа не последовало, и Бюро ком. б-ва (Б. К. Б.) начало самостоятельно организацию съезда. Со съездом дальше было медлить нельзя.

Петербургские события 9 января поставили перед партией ряд таких вопросов, как вопрос о вооруженном восстании, о временном правительстве, о захвате власти, по которым, конечно, не могло быть единого мнения у большевиков и меньшевиков, а между тем все эти вопросы настоятельно требовали единого, обязательного для всей партии решения. Партия стала перед необходимостью стать настоящей руководительницей революционного движения. Для нас, большевиков, было ясно, что начавшаяся революция разовьется как пролетарская революция, что роль рабочего класса в ней будет ролью единого вожака всех угнетенных слоев, что буржуазия в этой революции будет пытаться с первых же шагов сговориться с гибнущим самодержавием для того, чтобы совместными усилиями подавить пролетарскую революцию. Для нас было ясно, что по этим вопросам нам вряд ли удастся сговориться с заграничными вожаками меньшевиков: Мартыновы, Даны, Мартовы и Аксельроды, фактически руководившие при посредстве новой «Искры» меньшевиками, понять сложившуюся ситуацию не могли. Они не могли не надеяться, что Струве, Милюковы и Рябушинские найдут общий с ними язык. Меньшевистским оппортунистам была страшна и непонятна самая мысль о пролетарской революции, о захвате власти пролетарской партией. В этих вопросах мы, конечно, не могли с ними сговориться. Но, борясь за единый общепартийный, а не фракционный съезд, мы рассчитывали, что сможем убедить и повести за собою те рабочие русские организации, которые еще остались под руководством меньшевиков. Мы были уверены, что с рабочими меньшевиками мы найдем общий язык.

Объезд комитетов членами и агентами Б. К. Б. нам ясно доказал, что мы не ошиблись в расчетах. Попадая на заседания меньшевистских комитетчиков-интеллигентов, мы теряли только зря время. Но каждый раз, когда нам удавалось проникнуть в рабочую периферию меньшевистских комитетов, мы быстро договаривались до основной сущности вопросов; наши резолюции принимались, и мы чувствовали, как изголодались эти рабочие-меньшевики по дей-

ствительному революционному руководству единой революционной партии.

Во время объезда мы окончательно убедились, что партийная масса рабочих всех промышленных центров за нас. Уже в марте за платформу Б. К. Б. из 28 российских комитетов, имевших право участвовать на съезде с решающим голосом, высказалась 21 организация (Петербургская, Московская, Северный союз, Нижегородская, Тверская, Тульская, Рижская, Сибирский союз, Воронежская, Саратовская, Одесская, Кавказский союз, Николаевская, Уральская, Орловская, Брянская, Курская, Смоленская, Полоцкая, Северо-Западная, Харьковская и Самарская). За нас была вся Россия, и поэтому мы смело могли пренебречь формальностями и приступить к созыву съезда. Мы были уверены, что, несмотря на все ухищрения меньшевиков, мы проведем на съезде свои решения. А ухищрений со стороны меньшевиков сорвать работу съезда было много. Решать вопрос о съезде могли только члены комитетов, т.-е. те несколько человек, назначенных центром или кооптированных назначенными, которые хранили партийную печать. Наши большевистские комитетчики, работая активно в массах, подвергались все время риску быть арестованными, выйти из строя. Немедленно после такого ареста являлись присланные из-заграницы меньшевики, объявляли себя комитетом и, не успев завязать хоть какие-нибудь связи с рабочей массой, слали в «Искру» заготовленную там резолюцию против съезда. Образовался кадр комитетчиков гастролеров, которые, проведя резолюцию в одном комитете, немедленно перекочевывали в другой, чтобы провести и там ту же резолюцию.

4 марта, наконец, и примиренческий Ц. К., убедившись, что за Б. К. Б. действительно стоит большинство российских организаций, высказался за съезд и вступил в переговоры с Б. К. Б. А 12 марта образовался организационный комитет партии, приступивший к работе по созыву съезда, при чем предварительная работа Б. К. Б. была признана оргкомпартом.

Большинство членов Ц. К. в общем разделяли фактическую платформу большевиков, но недооценивали то глубокое тактическое расхождение, которое образовалось в партии. Они все надеялись, что можно будет сговориться, что можно будет сохранить единство партиии, и ради этого единства они пробовали принудить большевиков к уступчивости. Но это оппортунистически-«болотное» настроение большинства членов Ц. К. превратило их фактически в послушное орудие, которым заграничные меньшевики умело пользовались против большевиков.

Формально, по уставу, созыв съезда был предоставлен совету партии. Совет состоял из двух членов от центрального органа «Искра» (Мартов и Аксельрод), двух представителей от Ц. К. (Ленин и Носков) и пятого члена, выбранного на II съезде,—Плеханова. Носков (Глебов) поддался целиком гипнозу меньшевиков. Ленин, который являлся заграничным представителем Ц. К., был, по настоянию Носкова, отозван из совета, как чересчур неуступчивый. Функции заграничного представителя Ц. К. были переданы одному из самых ярых меньшевиков—Дейчу.

Ц. К. покончил со своим примиренчеством, когда окончательно убедился, что три заграничных члена совета партии (Плеханов, Мартов и Аксельрод), несмотря на ясно выраженную волю громадного большинства партии, ни на какие компромиссы пойти не хотят.

Делегаты из российских комитетов поехали на съезд. Уже 4 апреля приехали за границу 27 делегатов с решающим голосом и несколько человек с совещательным. Кой-кого из делегатов на границе перехватили меньшевики и вместо Лондона повезли в Женеву. Главным образом, в Женеве оказались те, кто на съезде не мог иметь решающего голоса. Из 71 голоса, имевших право решать, на съезде в Лондоне,—по окончательной, очень скрупулезной проверке мандатов,—было признано право на 46 голосов, т.-е. несомненное большинство партии. На съезде были представлены с правом решающего голоса следующие организации: 1) Воронежская—Филиппов (Румянцев); 2) Курская—Осетров (Аристархов); 3) Кавказский союз: Барсов (Цхакая), Градов (Шаумян), Невский (Галкин), Голубин (Джапаридзе), Рыбкин (?); 4) Московская—Сергеев (Рыков); 5) Николаевская—Орловский (Воровский); 6) Нижегородская — Сосновский (Десницкий); 7) Орловская—Петров (?); 8) Одесская—Ленин; 9) Полесская—Константинов (Крамольников); 10) Петербургская — Осипов (Землячка); 11) Рижская—Кузнецов (кажется, Литвинов); 12) Самарская—Мосальский (?); 13) Саратовская—Каменский (Обухов); 14) Северный союз—Лесков (Стопани); 15) Северо-Западный — Михайлов (?); 16) Тверской—Минин (?); 17) Тульская—Максимов (Богданов); 18) Уральская—Валерианов (Постоловский). С совещательным голосом представлены были: Уральский союз—Дашин (?); 2) Архангельский комитет—Диогенов (?); 3) Минская группа—Дедушкин (Книпович); 4) Екатеринославский ком.—Жарков (?); 5) Казанский ком.—Савич (Саммер); 6) Харьковский ком.—Тигров (Авилов); 7) Одесский ком.—Щенский (Скрыпник), кроме того решающий голос имели Зимин (Красин), как член Совета и представитель Ц. К., и Летнев (Любимов), как

член совета. Совещательные голоса были предоставлены Воинову (Луначарский), как представителю редакции «Вперед», Бельскому (Красиков), как представителю заграничных организаций, и персонально Саблиной (Н. К. Крупской), Лядову, Каменеву, Гусеву и Петербуржцу.

Меньшевики на съезд не приехали и собрались в Женеве, где устроили параллельно «Первую общерусскую конференцию партийных работников».

Сейчас вряд ли представит интерес восстановление в памяти всей переписки между Ц. К. и Советом партии по поводу съезда, дебатов на съезде по докладу организационного комитета, прочитанному Богдановым от Б. К. Б. и Красиным от Ц. К. Для нас тогда было чрезвычайно важно доказать, что мы, а не меньшевики являемся выразителями воли партии, что наш съезд является вполне правомочным, несмотря на то, что на нем представлено было только одно течение. В особенности делегаты, приехавшие из России, были крайне заинтересованы в этом. Вот причины того, что окончательное конституирование съезда состоялось лишь на 5 заседании. Делегаты с мест особенно заботились, чтобы никто не мог придраться по формальному поводу хотя бы к одному мандату.

Принят был следующий порядок дня:

А) Вопросы тактические.

1) Вооруженное восстание.

2) Отношение к политике правительства накануне и в момент переворота.

3) Отношение к крестьянскому движению.

Б) Вопросы организационные.

4) Отношение рабочих и интеллигентов в партийных организациях.

5) Устав партии.

В) Отношение к другим партиям и течениям.

6) Отношение к отколовшейся части Р. С.-Д. Р. П.

7) Отношение к национальным соц.-дем. организациям.

8) Отношение к либералам.

9) Практические соглашения с соц.-революционерами.

Г) Внутренние вопросы партийной жизни.

10) Пропаганда и агитация.

Д) Отчеты делегатов.

11) Отчет Ц. К.

12) Отчеты делегатов местных комитетов.

Е) Выборы.

13) „

14) Порядок оглашения резолюций и протоколов съезда и вступления должностных лиц в должности.

Понятно, что во главу работ съезда были поставлены тактические вопросы, и прежде всего вопрос о вооруженном восстании. Этот вопрос был навязан нам кровавым 9 января. Ни у кого не было сомнения, что революция уже началась. Мы должны были точно и ясно определить роль нашей партии в этой революции, и прежде всего решить вопрос о характере революции и о роли пролетариата в ней. Меньшевики все время твердили, что «революцию не делают, революция — явление стихийное, не зависящее от воли каких бы то ни было вождей или политических партий». Первый докладчик о вооруженном восстании т. Луначарский детально разобрал эти утверждения. Революцию не делают. Но если она уже началась, нужно ли стараться превратить ее из стихийной в организованную? Вслед за разгромом царской армии Японией началось стихийное движение всех слоев. Либералы начали устраивать оппозиционные банкеты, интеллигентные профессии на своих съездах принимали резкие резолюции; такие же резолюции принимались на съездах торгово-промышленной буржуазии. На другом полюсе происходили стихийные крестьянские волнения. Все это выливалось стихийно, как стихийно началось и массовое движение малосознательных рабочих, приведшее к трагической развязке на площади у Зимнего Дворца. Может ли соц.-дем. партия при этом начавшемся стихийно революционном движении ограничиться ролью простого агитатора, или она должна стремиться развивать революцию, организовать ее и довести до конца? Соц.-дем. партия— сознательный авангард всего рабочего класса. Рабочий класс по своему положению,—как наиболее последовательно-революционный класс, — неизбежно станет вождем общенационального движения. Поэтому наш долг приступить к планомерной подготовке рабочего класса к массовым политическим забастовкам, которые неизбежно должны вылиться в вооруженное восстание. Наш долг приспособить партийный аппарат к возможности подготовки этого восстания, к способности руководить им. Луначарский процитировал в заключение слова Маркса из «Революции и контр-революции»:

«Восстание есть искусство, совершенно такое же, как военное или всякое другое. Это искусство, по примеру прочих, имеет свои особые правила, которыми ни одна партия не может пренебрегать безнаказанно... Прежде всего, никогда нельзя играть в восстание,

если не решился итти на все его последствия. Восстание — это расчет, основанный на крайне неточных величинах, варьирующихся изо дня в день. Силы, против которых приходится бороться, имеют на своей стороне все преимущества строгой организованности, дисциплины и веками установившегося авторитета. Если партия не может противопоставить им достаточной мощи, она будет разбита и уничтожена. Во-вторых, раз восстание вспыхнуло, нужно действовать как можно решительнее и как можно скорее переходить в наступление. Оборонительная тактика — это смерть для вооруженного восстания. Оно гибнет, не измеривши даже, сильны ли противники. Захватить противника врасплох, пока войска его рассеяны, каждый день добиваться успеха, хотя бы незначительного, поддерживать то нравственное преимущество, которое дадут такие первые успехи неожиданного натиска, привлекать к себе колеблющиеся элементы, которые всегда идут за тем, кто толкает сильнее, и дерутся в рядах тех, кто наиболее уверен в себе; принудить врага отступить прежде, чем он сконцентрирует силы. Надо действовать согласно словам Дантона, величайшего из когда-либо существовавших тактиков революции: «Смелость, смелость и еще раз смелость».

Второй докладчик т. Богданов подробно развил те конкретные задачи, которые выдвинуты перед партией в связи с организацией восстания, т.-е. вопросы о захвате оружия, об организации боевых дружин, о работе по разложению армии, о фактическом прохождении политических забастовок и т. п.

Съезд горячо откликнулся по этому вопросу. 46 ораторов приняли участие в прениях, поделились опытом своей работы. Мы могли с радостью констатировать, что принципиальных разногласий по этому вопросу на нашем съезде не обнаружилось. Предложенная резолюция принята единогласно, при одном воздержавшемся. Вот эта резолюция:

«Принимая во внимание: 1) что пролетариат, будучи по положению своему наиболее передовым и единственным последовательно революционным классом, тем самым призван сыграть руководящую роль в обще-демократическом революционном движении России; 2) что это движение в настоящий момент уже привело к необходимости вооруженного восстания; 3) что пролетариат неизбежно примет в этом восстании самое энергичное участие, которое определит судьбу революции в России; 4) что руководящую роль в этой революции пролетариат может сыграть, лишь будучи сплочен в единую и самостоятельную политическую силу под знаменем

социал-демократической рабочей партии, руководящей не только идейно, но и практически его борьбой; 5) что только выполнение такой роли может обеспечить за пролетариатом наиболее выгодные условия для борьбы за социализм против имущих классов буржуазно-демократической России,—Третий съезд Р. С.-Д. Р. П. признает, что задача организовать пролетариат для непосредственной борьбы с самодержавием путем вооруженного восстания является одной из самых главных и неотложных задач партии в настоящий революционный момент. Поэтому съезд поручает всем партийным организациям: а) выяснить пролетариату путем пропаганды и агитации не только политическое значение, но и практически-организационную сторону предстоящего вооруженного восстания; б) выяснить при этой пропаганде и агитации роль массовых политических стачек, которые могут иметь важное значение в начале и в самом ходе восстания; в) принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также к выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности, особые группы из партийных работников».

Второй пункт порядка дня был разбит на две самостоятельные части: 1) отношение к политике правительства накануне переворота и 2) отношение к правительству в момент переворота.

По первой части докладчиком был выдвинут т. Румянцев, один из руководителей кампании Петербургского комитета во время комиссии Шидловского; по второму вопросу выступил докладчиком Ленин.

Румянцев охарактеризовал в своем докладе настроение либералов в период так называемой «весны», т.-е. после выступления Святополк-Мирского с декларацией о «доверии правительства к обществу». Докладчик указал, как ловко и умело буржуазная оппозиция использовала эту «весну». Выступая открыто со своими требованиями реформ, она подчеркивала слабость действующей в подполье соц.-демократии, неподготовленность к политическому выступлению незрелого рабочего класса. Когда рабочие Петербурга своим выступлением в январские дни напомнили о своем существовании, либералы сначала растерялись: они не могли не понять всей важности развертывающихся событий. На всякий случай, в ночь на 10 января, намечается и временное правительство, которое должно было выступить на авансцену, в случае победы рабочих. Но затем они решительно мобилизуются и пытаются в Петербурге при посредстве «Красного Креста» взять руководство

рабочим движением в свои руки; они опираются на довольно мощную организацию, какой являются союзы интеллигентных профессий (инженеров, техников, врачей, профессоров, учащих средне-учебных заведений, народных учителей, артистов, литераторов, адвокатов и т. д.) и при посредстве этой организации готовятся к избирательной кампании в обещанный Земский Собор. Соц.-дем. партия до сих пор не сумела противопоставить этой возрастающей организованности буржуазии организованность рабочего класса. А между тем, как заявил докладчик, рабочий класс сделал уже гигантский шаг вперед в развитии своего политического сознания. Соц.-дем. организация проспала открытые собрания рабочих в гапоновских клубах, в которых в течение 9 месяцев развращалось сознание рабочих, тысячами стекающихся туда для обсуждения политического положения. С.-д. чересчур поздно обратили внимание на эти собрания. Правда, им удалось навязать гапоновскому движению требования нашей программы-минимум, популяризировать их; но этого недостаточно. Необходимо сейчас же перейти к открытым выступлениям, к непосредственному обращению к самым широким массам; необходимо сейчас же выдвигать перед этими массами, в противовес обще-демократическим требованиям, классовые требования пролетариата.

В речах ораторов по этому докладу резко подчеркивается положение, что путь реформ, на который правительство обещает встать, с.-д. партию удовлетворить не может. Рабочий класс должен противопоставить реформам революцию, либеральному соглашательству—решительное выставление своих пролетарских требований и, в первую очередь, революционного созыва свободно избранного Учредительного Собрания на самой широкой демократической основе. Вся тактика в наших открытых выступлениях должна стремиться к тому, чтобы доказать рабочим массам, что мирным путем они ничего добиться не смогут.

В дебатах наметились два течения. Одни—как Красин, Стопани, Лядов, Десницкий, Рыбкин—определенно высказывались за решительный бойкот всяких выборов в правительственные комиссии, в Земский Собор и т. п. Другие, во главе с Лениным, считали, что этот вопрос в такой категорической форме решать нельзя. «Все зависит от обстоятельств, при которых произойдут выборы». Кроме проекта резолюции докладчика, были выставлены четыре контр-проекта (Стопани, Красиным, Десницким и Крамольниковым) и целый ряд существенных поправок к этим резолюциям (Воровским, Луначарским, Авиловым). Все эти проекты и контр-проекты передаются в согласительную комиссию, после работ каковой съезд единогласно, всеми решающими и совещательными голосами, принимает следующую резолюцию:

«Принимая во внимание, что в целях самосохранения правительство в переживаемый революционный период, усиливая обычные репрессии, направленные преимущественно против сознательных элементов пролетариата, вместе с тем: 1) пытается путем уступок и обещаний реформ политически развратить рабочий класс и тем отвлечь его от революционной борьбы; 2) с тою же целью облекает свою лицемерную политику уступок в псевдо-демократические формы, начиная с приглашения рабочих выбирать в комиссии и совещания своих представителей и кончая созданием карикатурных форм народного представительства, вроде так называемого Земского Собора; 3) организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа,—

«III съезд Р. С-Д. Р. партии постановляет предложить всем партийным организациям: а) разоблачая реакционные цели правительственных уступок, подчеркивать в пропаганде и агитации их вынужденный характер, с одной стороны, и безусловную невозможность для самодержавия дать удовлетворяющие пролетариат реформы, с другой; б) пользуясь предвыборной агитацией, разъяснять рабочим истинный смысл подобных мероприятий правительства и доказывать необходимость для пролетариата созыва революционным путем Учредительного Собрания на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайною подачею голосов; в) организовывать пролетариат для немедленного осуществления революционным путем 8-часового рабочего дня и других, стоящих на очереди, требований рабочего класса; г) организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством».

По следующему вопросу докладчик т. Ленин в блестящей речи, которая буквально захватила всех делегатов, поставил ребром вопрос об участии с.-д. во временном революционном правительстве. Исходным пунктом своего доклада т. Ленин выдвинул статьи Мартынова «Две диктатуры» и Плеханова «К вопросу о захвате власти»,—обе напечатанные в «Искре». Мартынов с ужасом спрашивал, в каком ужасном положении очутится партия, если по рецепту Ленина ей удастся подготовить и провести всенародное вооруженное восстание, и если это восстание назначит нашу партию во

временное революционное правительство. Мартынов, а вместе с ним и все меньшевики боятся, что ход революции навяжет нам власть. Но раз мы говорим о демократическом перевороте, это значит, что перед нами две силы: самодержавие, опирающееся на все реакционные слои, и революционный народ. Кто составляет этот революционный народ? Прежде всего пролетариат, как главная борющаяся сила, а за ним крестьянство и другие мелко-буржуазные, мещанские слои. Что значит победа переживаемой революции? Это—замена самодержавия царя самодержавием народа. Но мало завоевать самодержавие народа; надо еще его отстоять и закрепить. А для этого нам нужна диктатура народа, т.-е. пролетариата и крестьянства. Нам нужна будет именно диктатура, организация войны, а не организация порядка, потому что, свергнув самодержавие царя, мы заставим усиленно организоваться против нас наших классовых врагов,—реакционное дворянство и либеральную буржуазию. Свержение самодержавия для нас не самоцель, а лишь расширение возможности борьбы за социализм.

Далее Ленин рядом цитат из Маркса и Энгельса удачно разбивает попытки Плеханова и Мартынова отстоять ссылками на этих наших учителей позицию «Искры» против большевиков. Он доказывает, что Маркс и Энгельс не боялись «якобинских» приемов борьбы в ходе революции, не боялись давить на этот ход революции не только «снизу», «давлением пролетариата на стоящую у власти демократию»,—но и «сверху», «из правительственных чертогов», организуя и руководя гражданской войной. «Не надо забывать,—говорит Ленин, — что если мы бы даже завладели Петербургом и гильотинировали Николая, то имели бы перед собою несколько Вандей. И Маркс прекрасно понимал это, когда в 1848 году в «Новой Рейнской Газете» напомнил о якобинцах. Он говорил: «террор 1793 года есть не что иное, как плебейский способ разделаться с абсолютизмом и контр-революцией». Мы тоже хотим разделываться с русским самодержавием «плебейским» способом и предоставляем «Искре» способ «жирондистский».

Революционное настроение пролетариата,— говорит далее Ленин,—растет не по дням, а по часам; и в такой момент мартыновщина не только глупость, но и преступление».

Еще более конкретное содержание в этот вопрос во время дебатов внес т. Красин. Он остановился на вопросе об Учредительном Собрании. Либералы, говоря об этом, рассчитывают убедить самодержавное правительство созвать Учредительное Собрание. Конечно, нас такой созыв удовлетворить не может. Мы рассчитываем

добиться созыва не по царскому приказу, а в силу развития победоносной революции. Мы должны перед рабочим классом конкретизировать наши требования. Когда вопрос об Учредительном Собрании подхвачен и либералами, тогда мы должны сейчас же прививать рабочим скептицизм и подозрительность к этому будущему Учредительному Собранию. Красин поднял и другой вопрос. Для него несомненен факт, что временное революционное правительство явится не как результат окончательной победы над самодержавием, но в ходе борьбы с самодержавием. Ряд ораторов развивает дальше мысль, выраженную Лениным и дополненную Красиным; нет ни одного возражения. Все дебаты, все вносимые поправки направлены исключительно к тому, чтобы вложить по возможности больше практических директив для местных работников. Предложенная Лениным резолюция, после ряда внесенных в нее, согласованных с докладчиком, поправок принимается единогласно. Вот эта резолюция:

«Принимая во внимание: 1) что как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы, а, следовательно, замены самодержавной формы правления демократической республикой; 2) что осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного народного восстания, органом которого явится временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа; 3) что этот демократический переворот в России, при данном общественно-экономическом ее строе, не ослабит, а усилит господство буржуазии, которая неминуемо попытается в известный момент, не останавливаясь ни перед чем, отнять у российского пролетариата возможно большую часть завоеваний революционного периода,—«III съезд Р. С.-Д. Р. партии постановляет: а) необходимо распространить в рабочем классе конкретное представление о наиболее вероятном ходе революции и о необходимости, в известный ее момент, появления временного революционного правительства, от которого пролетариат потребует осуществления всех ближайших политических и экономических требований нашей программы (программа-минимум); б) в зависимости от соотношения сил и других факторов, не поддающихся точному предварительному определению, допустимо участие во временном революционном правитель-

стве уполномоченных нашей партии, в целях беспощадной борьбы со всеми контр-революционными попытками и отстаивания самостоятельных интересов рабочего класса; в) необходимым условием такого участия ставится строгий контроль партии над ее уполномоченными и неуклонное охранение независимости социал-демократии, стремящейся к полному социалистическому перевороту и постольку непримиримо враждебной всем буржуазным партиям; г) независимо от того, возможно ли будет участие социал-демократии во временном революционном правительстве, следует пропагандировать в самых широких слоях пролетариата идею необходимости постоянного давления на временное правительство со стороны вооруженного и руководимого социал-демократией пролетариата в целях охраны, упрочения и расширения завоеваний революции».

Далее съезд заслушал краткий доклад Ленина об отношении к крестьянскому движению. Как в самом докладе, так и в речах ораторов красной нитью проходила мысль о необходимости втянуть крестьянство в революционную борьбу пролетариата, потому что громадная масса крестьянства, обнищалого и разоренного полуфеодальными помещиками, может улучшить свое положение только опираясь на пролетарскую революцию. Наша обязанность поддерживать всякое аграрное движение крестьян, не останавливаясь и перед конфискацией крестьянами помещичьих земель. Главная задача партии—пробуждать политическую сознательность крестьянства, разъяснять ему связь между его угнетенным положением и самодержавным строем. На-ряду с этим наша задача углублять классовые противоречия в пределах самого крестьянства. Партия должна немедленно бросить в крестьянство лозунг организации крестьянских революционных комитетов, которые, руководимые сами организованным сельским пролетариатом, должны руководить стихийным аграрным движением, должны спаять крестьянскую массу середняков. Партия должна начать усиленно работать среди крестьянства, этого естественного и неизбежного союзника пролетариата в его борьбе с самодержавием?

И в этом вопросе на съезде не было более или менее крупных принципиальных разногласий. Ниже приведенная резолюция принята на съезде единогласно.

После доклада Ленина съезд заслушал подробный доклад ветерана грузинского с.-д. движения М. Цхакая о восстании гурийских и имеретинских крестьян.

По вопросу о крестьянском движении съезд принял следующую резолюцию:

«Принимая во внимание: 1) что разрастающееся теперь крестьянское движение, являясь стихийным и политически бессознательным, неминуемо обращается, тем не менее, против существующего строя и против всех остатков крепостничества вообще; 2) что в задачи социал-демократии входит поддержка всякого революционного движения против существующего общественного и политического строя; 3) что в силу этого социал-демократия должна стремиться очистить революционно-демократическое содержание крестьянского движения от всяких реакционных примесей, развивая революционное самосознание крестьян и доводя до конца их демократические требования; 4) что социал-демократия, как партия пролетариата, должна во всех случаях и при всех обстоятельствах неуклонно стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата и разъяснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, —

«III съезд Р. С.-Д. Р. П. поручает всем партийным организациям: а) пропагандировать в широких слоях народа, что социал-демократия ставит своей задачей самую энергичную поддержку всех революционных мероприятий крестьянства, способных улучшить его положение, вплоть до конфискации помещичьих, казенных, церковных, монастырских и удельных земель; б) как практический лозунг агитации среди крестьянства и как средство внесения наибольшей сознательности в крестьянское движение, выдвигать необходимость немедленной организации революционных крестьянских комитетов с целью проведения всех революционно-демократических преобразований в интересах избавления крестьянства от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета; в) в целях дезорганизации самодержавия и поддержки революционного натиска на него призвать крестьянство и сельский пролетариат к всевозможным политическим демонстрациям, к коллективному отказу от платежа податей и налогов, от исполнения воинской повинности и постановлений и приказаний правительства и его агентов; г) стремиться к самостоятельной организации сельского пролетариата, к слиянию его с пролетариатом городским под знаменем социал-демократической партии и к проведению представителей его в крестьянские комитеты».

Почти полное единогласие по наиболее важным вопросам тактическим несколько нарушилось, когда съезд перешел к вопросам организационным. Дебаты принимают более страстный характер. Намечается определенная группировка на теоретиков и практиков, литераторов и комитетчиков, заграничников и русских практиков.

Несколько приподнятое настроение создалось уже по докладу т. Богданова об отношении рабочих к интеллигенции в с.-д. организациях. С одной стороны, группируются наши лидеры, признаваемые всеми нами вожаки большевизма, во главе с Лениным и Богдановым; с другой, стояли приехавшие с мест большей частью безымянные местные работники, еще мало известные в широких партийных кругах. Особенно выдвигается во время этих споров сравнительно молодой еще работник т. Рыков (Сергеев), сумевший сгруппировать вокруг себя большинство комитетчиков.

Сейчас, 16 лет спустя после этих горячих дебатов, легко относиться к ним объективно. Но тогда немало горечи и чувства обиды проявилось у обеих сторон. Сейчас ясно, что принципиальное единство, так блестяще выявившееся в ходе прений по тактическим вопросам, не исчезло и при обсуждении организационных вопросов. Все дело сводилось к тому, как эти единые взгляды формулировать, как изложить их в ясной и конкретной форме.

Чтобы понять всю горячность прений, нужно вдуматься в ту ситуацию, при которой приходилось тогда работать в российских организациях. С одной стороны, жизнь толкала широкие массы на открытые выступления. В этих выступлениях массы ждали открытого же руководства стихийно признанной ими, близкой по духу с.-д. партии; а, с другой стороны, эта партия вынуждена была продолжать жить в подполье, вынуждена была законспирировать свой аппарат,—иначе она не могла вообще выступать, не могла руководить. Руководящий центр—местный комитет не мог расконспирироваться под угрозой проникновения в его боевой аппарат, в его технику провокаторов; но в то же время его конспиративность усиливала его отчужденность от широких рабочих масс,—это одно противоречие. Второе противоречие состояло в том, что революционная волна вынесла немало выдающихся вожаков из рабочих; но эти вожаки, порожденные часто в бурном вихре революции, далеко не всегда имели время проникнуться основными принципами революционного марксизма, а это представляло немало опасности в то бурное время, когда либеральная буржуазия начала усиленно стремиться проникнуть в рабочую среду, а ряд мещански-оппортунистических партий (меньшевики, с.-р., разные национальные партии) усиленно помогали ей в этом.

При таких условиях выдвинутый массами мало подготовленный вожак мог легко попасть в демагогические сети классовых противников пролетариата. Русская практика знала не один пример таких явлений,—и поэтому так насторожились представители

с мест, когда Богданов, страстно поддержанный Лениным, настаивал на возможно большем вхождении рабочих в руководящие центры партии. В ответ на это практики начинают усиленно подчеркивать: «да, вхождение это необходимо,—но только таких рабочих, которые определенно прониклись идеями революционной с.-д. партии, которые могут повести массу в духе той же партии. А такие рабочие без всяких резолюций съезда попадали и будут попадать во все руководящие партийные органы». Меньшевики, начиная со II съезда, все время противопоставляли большевистскому «бюрократизму» свой меньшевистский демократизм.

Практики с мест отлично знали, что, несмотря на «назначенство» большевистских комитетчиков, они сумели при помощи целой сети живых нитей связаться с широкой рабочей периферией, ослабляя строгую конспиративность по мере приближения периферийных организаций к массам; между тем как, несмотря на истерические вопли о демократизме, меньшевистские организации играли в выборное начало, создав искусственно специально для выборов тесную периферию из интеллигентской, чуждой массам молодежи. Никто из большевиков-практиков не сомневался в том, что при первой возможности необходимо будет ввести ответственность и зависимость руководителей организации перед всеми сознательными членами партии; но возможным станет проведение этого принципа лишь по выходе партии из подполья. Поэтому и в этом отношении они считали излишним вынесение резолюции. Ленин и его сторонники, наоборот, считали особенно важным именно сейчас ясно и определенно формулировать в резолюции принципиальное отношение к вопросу, и демагогической фразе меньшевиков о выборном начале противопоставить, где только возможно, уже сейчас действительное проведение в жизнь действительного выборного начала.

Резолюция Богданова-Ленина взывала к партии, чтобы она сейчас уже готовилась к превращению партии из строго-конспиративной, подпольной в широкую рабочую партию. Надо преодолеть инертность, чересчур большую осторожность наших комитетов. «Вводить рабочих в комитеты,—говорит Ленин,—есть не только педагогическая, но и классовая задача. У рабочих есть классовый инстинкт, и при небольшом политическом навыке рабочие довольно скоро делаются выдержанными с.-д.».

Второй из организационных вопросов, который вызвал на съезде страстные прения, это вопрос о руководящем центре. Второй съезд создал неподчиненные друг другу Ц.К. и Ц.О. и коорди-

нирующий их действия Совет партии. Фактически создалось три центра, друг с другом воюющих, и все в достаточной степени оторванных от партийной будничной работы на местах. Все руководство должно было фактически сосредоточиться за границей, и оттуда, при быстром темпе событий, конечно, руководить оказалось невозможным. Выработанный Б. К. Б. проект нового устава (фактический автор его—т. Богданов, скрывавшийся под именем Иванова) выставляет требование создания одного центра, полновластного Ц. К., в главной своей массе живущего в России. За границей остается центральный орган, проводящий политику Ц.К. при посредстве назначенного им ответственного редактора. Таким образом руководство партией должно было быть перенесено из-за границы в Россию. После горячих прений, съезд, при двух воздержавшихся (Ленин и Воровский), высказался за единый русский центр. И съезд был прав, если он рассчитывал создать действительно активный руководящий центр, который должен был немедленно реагировать на всякое новое явление, выдвигаемое революционной жизнью. Но, с другой стороны, прав был и Ленин, так горячо отстаивающий независимость заграничного органа. Он боялся за чистоту революционно-марксистских принципов; боялся, что, вследствие арестов, в России состав Ц. К. может сильно измениться, а вместе с изменением личного состава переменится и тактическая позиция его.

Большие прения вызвал также § 7 устава, предоставляющий полномочия всем организациям на издание партийной литературы,— другими словами, право на свободу дискуссии. И настоящий инцидент разыгрался вокруг § 12 устава, по которому требуется, чтобы кооптация нового члена Ц. К. происходила единогласно. Сначала этот пункт проходит довольно гладко, с отклонением поправки Рыкова о том, что и исключение членов Ц. К. происходит единогласным постановлением остальных членов Ц. К. На следующий день в бюро съезда поступило заявление за подписями Обухова, Мосальского, Петрова, Любимова, Аристархова, Рыбкина, Постоловского, Джапаридзе, Рыкова, Стопани и Михайлова с предложением пересмотреть решение съезда об единогласной кооптации в Ц. К. После очень бурных прений, предложение это отклоняется за равенством голосов.

В прениях по резолюции об отколовшейся части партии вновь обнаружилось почти полное единогласие, как в оценке оппортунизма меньшевиков, так и в признании необходимости привлечения к совместной работе российских меньшевиков, принципиальные

разногласия с которыми далеко не так велики, как разногласия с идеологами меньшевизма за границей. Съезд признал возможным совместную работу с меньшевиками при условии подчинения их решениям партийных съездов, партийному уставу и партийной дисциплине. Вообще съезд признал широкую дискуссию в рядах партии, пока то или иное решение не принято; но как только по данному вопросу состоится решение авторитетного партийного органа, все члены партии обязаны ему подчиниться.

Так же гладко и единодушно прошли резолюции об отношении к либералам, о практических соглашениях с эс-эрами, об отношении к национальным партиям.

В заключение съезд заслушал доклад Ц. К. и выбрал новый Ц. К. из 5 лиц. В него, насколько помню, вошли: Ленин, Красин, Богданов, Рыков и Десницкий.

Съезд закончил свои работы. Делегаты разъехались по местам. И очень скоро основное предположение съезда оправдалось: начался бурный подъем революции. Октябрьская всеобщая забастовка и Советы рабочих депутатов взвалили на партию руководящую роль не только по отношению к пролетариату, который сразу признал нашу партию своей партией, но и ко всем угнетенным слоям России. Партия вышла на время из подполья и сразу из строгоконспиративной, насчитывающей небольшое количество членов, превратилась в массовую, в многотысячную партию, в действительного народного вождя. Своей последовательной революционной тактикой она сделала невозможным влияние буржуазии на рабочий класс. Она повела массы через декабрьское вооруженное восстание, через бойкот первой Думы, через революционную избирательную кампанию во вторую Думу; она поддерживала в пролетариате веру в неизбежность нового подъема революции в жестокие дни столыпинской реакции. Она готовилась сама и готовила пролетарские массы к торжеству провозглашенного на III съезде принципа диктатуры пролетариата и крестьянства.

Сейчас, после четырехлетнего проведения в жизнь этой диктатуры, мы видим, насколько верно оценил 16 лет тому назад III съезд Р. С.-Д. Р. П., наш первый большевистский съезд, положение вещей и соотношение классовых сил в России.

М. Лядов.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДЕЛ I.—Статьи.

ОТДЕЛ II.—Материалы и документы.

ОТДЕЛ III.—Записки и воспоминания.

ОТДЕЛ IV.—Библиография.

ОТДЕЛ V.—Мелкие сообщения и заметки.

ИСТПАРТ

(КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (больш.).